

Острова яркозеленой озими разбросаны по земле, раскинувшись до самого горизонта в обе стороны от шоссе... «Здесь был Ильич»

Тридцать пять лет назад, в такой же осенний ноябрьский день, по этой же самой дороге Владимир Ильич с Надеждой Константиновной ехал в Кашино, чтобы разделить великую радость крестьян по поводу пуска одной из первых сельских электростанций.

...Тысячи людей собрались у площадки перед домом, по карнизу которого протянуто красное полотно... «Здесь был Ильич»

Залечено раны село Кашино, поставило новые дома на месте сожженных. Вместо старой маленькой электростанции оживает ныне светом жилища колхозников Кашина и многих других окрестных деревень Ярополецкая гидроэлектростанция.

Нарядно выглядело Кашино в минувшее воскресенье. Государственными флагами, плакатами и лозунгами были украшены дома и улицы селения.

Заведующая колхозной фермой Е. Малофеева, хорошо помнящая встречу с Лениным, лучшая доярка колхоза Н. Белогруд, секретарь комсомольской организации Н. Демидов рассказывали о сельских делах о том, как удалось в этом году увеличить производство зерна, мяса, льна, о том, как колхозная молодежь активно участвует в развитии общественного хозяйства.

Когда митинг окончился и народ стал расходиться, мы вошли в дом Сергея Степановича Кашина, чтобы послушать рассказы участников встречи с Лениным, еще раз взглянуть на бережно сохраненную фотографию.

Кашинский праздник 13 ноября был прекрасной демонстрацией пути, пройденного нашей страной за три с половиной десятилетия пути к светлой, радостной жизни, полной созидательного труда, от первой маленькой сельской электростанции до гигантов Сталинградской, Куйбышевской, Братской ГЭС.

На снимке: торжественная закладка памятника В. И. Ленину. Фото В. Шаровского

Здесь был Ильич

Здесь все наполнено далеким эхом — и ширь полей, и лес, и водоем.

Сюда в двадцатом сам Ильич приехал с Надеждой Константиновной вдвоем. В какое время, посудите сами! В хозяйстве — неурожайность, урон, Россия вся истерзана врагами, которые ползут со всех сторон. А что в деревне? Черная крауха. Нет керосина, даже соли нет. Сиротство. Запустение. Разруха.

А тут — в избе горит электросвет. И — входит Ленин!

Вот он близко, рядом. Шагнул в избу, как в освещенный зал, обвел крестьян спокойным, добрым взглядом и улыбнувшись, «Здравствуйте!» — сказал.

Все расцвело в избе и за избою. И потекла беседа, как ручей. Казалось — он принес сюда с собою большую связку солнечных лучей.

Он говорил: вот дайте расквитаться с врагами нам — тогда наступит день, и мы зажжем огни электростанций на землях всех российских деревень.

Да это скоро будет, совершится! Иная жизнь придет под мирный кров. И будет хлеб, и вдоволь будет ситца, плугов стальных, и даже тракторов!

Теперь же надо потерпеть немного, пока идет военная гроза... И у людей, внимавших речи строго, наворачивались слезы на глаза.

...Внезапно, по утриннему следу трубят воем осенние ветры. Давным-давно Ильич здесь вел беседу, а очевидцам кажется — вчера.

Ведь все о чем сердечно и толково поведал Ленин в дальнем том году, — сбылось точь-в-точь. свершилось слово в слово у всех народов мира на виду.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 136 (3481)

Вторник, 15 ноября 1955 г.

Цена 40 коп.

Залог новых достижений

После Второго всесоюзного съезда писателей прошел почти год. Этот год в литературной жизни был отмечен содержательными обсуждениями явлений искусства, широким обменом мнениями, горячими спорами писателей о важнейших проблемах литературы. Можно вспомнить в связи с этим и научную сессию в Институте мировой литературы имени Горького, посвященную итогам литературного года, и конференцию писателей Москвы, Ленинграда и Киева на тему «Воспитание чувств и характера советского человека», и всесоюзное совещание по вопросам развития военно-художественной литературы.

Недавно закончилось всесоюзное совещание литераторов, пишущих на темы, связанные с жизнью колхозного села. И на этом совещании писатели обсудили насущные проблемы литературы.

Творческие дискуссии усиливают активность писателей, помогают быстрее вскрывать и преодолевать недостатки, отыскивать верные пути движения вперед.

Конечно, далеко не всякая дискуссия плодотворна. Вряд ли способны принести какую-нибудь пользу литературе глубокомысленные споры ради споров или бурное обсуждение пустых и ничтожных вопросов.

Плодотворной дискуссия может быть только в том случае, когда предмет ее становится объектом живых, вынужденных жизненных проблем, когда она связана с актуальными задачами литературного развития.

Обсуждение должно не только прояснить различные точки зрения и определить те или иные позиции, но и дополнить, обогатить уже существующие представления, преодолеть заблуждения. Наверняка бесцельно и бессмысленно обсуждение, если в результате его не были отвергнуты ошибочные взгляды и утверждены верные, если не была коллективно решена хотя бы часть из поднятых на дискуссии серьезных проблем.

Успех дискуссии литераторов, пишущих на темы жизни колхозов, объясняется тем, что в центре внимания здесь были актуальные, жизненно важные вопросы и обсуждались эти вопросы горячо, заинтересованно, серьезно. Дискуссия раскрыла много новых явлений жизни сегодняшней деревни, показала сильные и слабые стороны наших писателей в разработке тем колхозной действительности. Строго и доброжелательно критиковали писатели слабые и недостатки произведений своих товарищей. В этой критике, поначалу суровой и резкой, не было ничего осеанционного, что могло бы затить какую-нибудь пишу любителей оболванивающей литературы возни и кулуарных новостей. Была прямой, откровенный, товарищеский разговор людей, занятых одним общим делом и искренне желающих, чтобы это дело шло лучше.

Из разных уголков нашей страны приехали на совещание литераторы. Здесь было много молодых авторов, имена которых появились на страницах журналов и книг в последнее время. Большая часть участников совещания — люди, тесно связанные с жизнью села, хорошо знающие заботы и нужды колхозников, и даже простое общение этих писателей — беседы, разговоры, рассказы во взаимном обогащении их. Не случайно поэтому дискуссия развернулась вокруг вопроса о глубоком и всестороннем изучении действительности, о связи литературы с жизнью.

Как учиться у жизни, чему учиться у жизни, как постигать происходящие в деревне сложные процессы, — это те проблемы, которых так или иначе касались почти все выступавшие. Нафос многих речей было направлено против не преодоленных еще до конца тенденций к некоторому приукрашиванию действительности в литературе, за более глубокое и правильное осмысление человеческих характеров и отношений.

Правы те, кто, требуя фактической достоверности, точного знания того, чему посвящена книга, вместе с тем указывал, что знание множества фактов еще не дает знания жизни. Подлинное знание жизни, необходимое художнику, приходит тогда, когда понята сущность происходящих явлений и познана в конкретных проявлениях интеллект рождения нового, когда писатель ясно понимает тенденции развития.

На совещании шел серьезный и теплый разговор товарищей по литературному оружию об общественном мнении писателя, об его обязанностях перед народом. Художник должен жить жизнью народа, понимать его душу. Все его помыслы должны быть устремлены на то, чтобы помочь партии успешно осуществлять путь сельского хозяйства. Со страстной заинтересованностью и волевым героизмом писатели о том, что

они всегда стремятся быть такими активными помощниками партии. Глубокое понимание общественного долга писателя и гражданские служат верным залогом творческих успехов.

Именно потому, что в центре дискуссии оказались вопросы изучения жизни, общественной роли писателя, совещание не стало ведомственным, узкоспециальным. Возможна ли действительно плодотворная дискуссия, если она посвящена не определенному кругу проблем, а произведениям, объектом одной темой, — этот вопрос тревожил многих. Не превратится ли подобная дискуссия в «производственное» совещание литераторов-«специалистов», говорящих только о том, что относится к их «ведомству»? Совещание литераторов, пишущих на колхозные темы, показало, что при широкой постановке вопросов тематическое обсуждение может дать много ценного и интересного.

Известно, что чем глубже литература уходит корнями в действительность, чем крепче ее связь с современностью, тем большее распространение получает очерк — один из наиболее боевых и оперативных жанров литературы. Широкий поток очерков — явление, какого еще не было в нашей литературе, — писал Горький в начале тридцатых годов. — Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. «Очерки» рассказывают многолюдному читателю обо всем, что создается его энергией на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса».

Очерк был одним из самых популярных жанров в дни Отечественной войны. Очерк и сейчас является боевым оружием нашей литературы: именно в этом жанре поставлены серьезные проблемы жизни колхозного села. Глубокое проникновение в сложные процессы современной действительности, воинственная позиция по отношению к недостаткам и лгу — отличительные черты лучших очерков последнего времени.

Однако до сих пор со стороны некоторых литераторов еще дает себя знать синхронизм отношения к очерку как к жанру «второстепенному», который находится за пределами «большой» литературы. Подобные выступления были и на совещании. Были на совещании и прямо противоположные высказывания, смысл которых сводился к тому, что очерк в силу жанровых особенностей дает более правдивую картину действительности, чем, скажем, роман. Ошибочность и этих высказываний очевидна, и опровержение их не стоит большого труда. Следует отметить лишь, что и те, кто «высоко» смотрит на очерк, и те, кто ставит его над другими жанрами литературы, глубоко заблуждаются.

Борьба за богатство и многообразие форм, жанров, стилей, писательских манер — одна из насущных задач нашей литературы. Задачи всестороннего развития литературы настоятельно требуют преодоления взглядов, ограничивающих искусство, неправильно делаящих его на ценные и низкие «сорта». Нужно больше внимания уделять проблеме многообразия, анализу жанровых особенностей произведений, в поле зрения литературной общественности должны быть все жанры литературы.

К сожалению, это не всегда так. Еще очень часто и критики и писатели просят мимо серьезных явлений литературной жизни. Увлеченные успехами литературы в одних жанрах, они оставляют без внимания отставание других. Обобщено, что в последнее время больших успехов добились очеркисты, пишущие о жизни села. Но не было сказано о необходимости решительности о том, что у нас мало появляется повестей и романов, посвященных колхозным темам, не было выяснено, почему это происходит. Должно вызвать тревогу то обстоятельство, что за последние два-три года почти не появилось произведений крупных форм, отличающихся глубиной изображения жизни современной деревни, остротой и значительностью поднятых вопросов. Читатель ждет романов, в которых будет создана впечатляющая многоплановая картина жизни сегодняшнего колхозного села, художнически зрело будут раскрыты характеры тружеников колхозных полей, проследены их судьбы. На совещании в полный голос говорили об этом слабом участке литературы, и в этом выразилась хозяйская забота писателей, которые хотят видеть нашу литературу хорошей и разной, умело использующей многообразие жанры и формы.

И еще одно слабое место нашей критики выявилось во время дискуссии — ее не-

выскаательность. Появление яркого, талантливо написанного произведения сопровождается обычно хором хвалебных рецензий, в которых совсем не говорится о подчас существенных слабостях книги, о том, что в ней не удалось, что недописано. А не указывать автору на недостатки его книги — значит не бороться с его ростом, о возможности его таланта. И в тех горячих спорах, которые возникли на совещании вокруг «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой, все время звучал этот серьезный упрек критике — она легко расточает похвалы и робкой скороговоркой говорит о слабостях.

Повесть Г. Николаевой привлекает многих силой и яркостью характера главной героини. В образе Нasti Ковшовой писательница поставила цель запечатлеть черты той молодежи, которая сегодня познает целину, смело воевая против рутинеров, не мирится с недостатками. Основной конфликт повести — это столкновение человека творческого, дерзкого, смелой мысли и сильных чувств с людьми безинициативными, заботящимися о своем спокойствии, людьми внутренне холодными, живущими по принципу «соя хата с краю». В повести противопоставлены два отношения к жизни: активное и страстное пассивному и равнодушному. Это хорошо, это правильно. Вместе с тем в произведении есть крупные недостатки, мимо которых в свое время прошла критика. Углубил, почему они не заметили, что автор облегчила путь своей героини, снимая и упрощая многие жизненные трудности, реальные сложности действительности. От этого, естественно, не могла не пострадать жизненная правда, а также и глубина изображения самого характера Nasti Ковшовой. Героиня — молодая девушка, только что покинувшая студенческую скамью, не обладающая еще никаким опытом, сама, в одиночку, решает в повести задачи, которые ей явно не под силу, за и вообще не по плечу одному человеку. Вызывают досаду и многочисленные неточности, ошибки, допущенные автором в изображении жизни и труда колхозников и работников МТС, о чем также говорилось на совещании.

Нельзя не сказать, что совещание было не во всем удачно. Перой выступавшим не хватало широты взгляда на процессы, происходящие в литературе, — хотелось бы, чтобы накопленный писателями опыт смелее обобщался! Участники дискуссии больше говорили о фактах литературной жизни, чем о тех больших и сложных процессах, которые происходят в литературе. А осмысливать эти процессы, выявлять наиболее существенные тенденции развития — одна из важнейших задач творческой дискуссии.

И, наконец, мало, очень мало говорилось о мастерстве, о художественных достоинствах и слабостях произведений, о выразительности и яркости изобразительных средств, о точности и богатстве языка. Нельзя высчитать истинную ценность произведения, отвлекаясь от анализа его художественного совершенства. В широкой, неспешно написанной книге правды жизни заглушена. П. Павленко хорошо говорил о том, что страницы книг не только должны быть полны жизненной правды, но и написаны на уровне этой правды. Он писал:

«Правда жизни требует силы для своего воспроизведения. Неяркое, бледное письмо способно сделать серым и тусклым даже выдающиеся явления жизни, способно лишить правду ее огня и своеобразия и превратить событие в происшествие, а происшествие — в трюкацкий факт».

Все эти недостатки в дальнейшем при организации и проведении творческих обсуждений должны быть учтены. И тогда дискуссии будут еще более плодотворны, принесут большую пользу.

В приветствиях ЦК КПСС съезду писателей сказано:

«Залогом новых достижений советской литературы будет дальнейшее идейное сличение всех активных писательских сил, смелое разграничение в среде писателей принципиальной критики и самокритики, товарищеское обсуждение творческих вопросов».

Творческие дискуссии, прошедшие в последнее время, свидетельствуют о неустанном стремлении литераторов выполнять наказ партии. Только в обстановке принципиальной критики, широкого и свободного обмена мнениями возникает книга большого идейного содержания и высокого мастерства.

Горький и Сеченов

Основоположник советской литературы А. М. Горький с юношеских лет проявлял глубокий интерес к медицине и ее научным основам. Известно, что, еще занимаясь в студенческом кружке самообразованием, А. М. Горький изучал работу И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Об этом он сам рассказывал великому физиологу впоследствии при их личной встрече.

В 90-е годы в Нижнем-Новгороде было создано «Общество поощрения высшего образования» Одним из инициаторов и активных участников его был Горький.

В 1899 году А. М. Горький обратился к И. М. Сеченову с просьбой приехать в Нижний и прочесть лекцию в фонд общества. Будучи страстным пропагандистом и блестящим популяризатором науки, И. М. Сеченов, несмотря на свой предельный возраст, охотно принял это приглашение.

25 ноября 1899 года Сеченов приехал в Нижний-Новгород и в тот же день при большом стечении публики прочел лекцию «О двух законах, которыми управляют органическая и неорганическая природа нашей планеты, — сохранения вещества и сохранения энергии».

Лекция была посвящена пропаганде материалистических взглядов на жизнедеятельность человеческого и животного организма. Сеченов особенно подчеркнул, что в основе жизнедеятельности лежат материальные процессы химического изменения веществ, подчиняющиеся закону Ломоносова — Лавуазье.

Подробное изложение содержания лекции при содействии Горького было напечатано в «Нижегородском листке» (№ 326 за ноябрь 1899 года).

А. М. Горький в письме к видному общественному и судебному деятелю А. Ф. Кони так описывал свои впечатления от встречи с Сеченовым: «Вы не можете себе представить, как важно для Нижнего, — а впрочем, и для всякого другого провинциального города, — видеть таких людей, как Сеченов... Именно видеть важно».

И далее: «При виде 70-летнего труженика науки в наши сердца, — сердца ма-

леньких провинциальных деятелей культуры, — вливается что-то более, слабое — и в то же время становится стыдно за минуты малодушия, которые переживаешь порой. Сеченова астрелила здесь горячо и разумно».

В том же 1899 году по инициативе А. М. Горького начал готовиться литературно-художественный сборник, средства от продажи которого должны были пойти в помощь пострадавшим от неурожая 1899 года. В участие в сборнике, помимо писателя Горького, были привлечены также Сеченов и Тимирязев. Горький был очень признателен ученым, принявшим участие в сборнике.

В архиве писателя сохранилось неопубликованное письмо к составителям сборника В. П. Потемкину, в котором Горький просит его низко и почтительно поклониться от него Сеченову, Тимирязеву и всем хорошим людям, принявшим участие в сборнике.

Г. МЕНДЕЛЕВИЧ

Встреча с Карло Леви

В Москве гостит прибывший по приглашению Союза писателей известный итальянский писатель и художник Карло Леви — автор недавно переведенного на русский язык автобиографического романа «Христос остановился в Эболи». Эта книга, получившая широкую известность в Италии и за границей. Помимо ее высоких художественных достоинств, она — ценный вклад в борьбу, которую ведут прогрессивные силы Италии за экономическое и культурное обновление отсталого юга страны, за улучшение положения крестьянских масс. Перу Леви принадлежат также написанная им в 1939 году философская работа «Страх перед свободой» и вышедший в 1950 году роман «Часы», посвященный периоду, последовавшему за освобождением Рима в 1944 году.

Карло Леви встречает нас в просторном номере гостиницы и, попыная короткой трубкой, охотно отвечает на несколько предложенных ему вопросов.

— Мои первые впечатления от пребывания в Москве, — говорит он, — очень сильные и волнующие. Всегда глубоко взволнован, когда, наконец, видишь воочию то, о чем давно знал, что давно рисовал в воображении. Несмотря на все различия в климате, в быте, я сразу же почувствовал себя здесь, как дома. Слово я ощутил среди старых друзей. Город мне очень понравился, я успел уже многое осмотреть. Однако главное, что меня интересует, — это люди, люди, которых я встречаю на улице, в магазинах, кино, театрах. В Москве повсюду ощущаешь бичение коллективной жизни, могущество великой Советской страны. Общая черта всех советских людей — чувство солидарности, сознание того, что они являются членами единого сплоченного общества, уверенно шагающего вперед. Я видел многочисленные проявления национальной жизни и культуры различных народов Советского Союза, встречал на московских улицах людей из разных уголков страны. Одно из самых моих сильных впечатлений — это единство многонационального советского народа, единство, при котором национальная культура отдельных республик не только не утрачивает своей самобытности, а, напротив, углубляется и развивается. Словом, о моих первых впечатлениях, — заканчивает Леви, — можно было бы говорить часами, уже можно было бы написать целую книгу.

Затем писатель рассказывает нам, что был счастлив увидеть перевод на русский язык своего романа «Христос остановился в Эболи», а также узнать, что отрывки из этого романа еще раньше перевелись в одном из московских журналов. Этот роман переведен на 20 языков, сейчас к его переводу приступают в Китае. Леви высказывает свое удовлетворение оформлением русского перевода, благодарит переводчика, но просит исправить одну неточность, которую он указал в предисловии.

— Там написано, что я в настоящее время редактирую газету «Италия либер», но эта газета уже много лет не выходит, — говорит Леви. — Я действительно был ее редактором, но это относится к 1945—1946 годам. Не в журналы, но тогда, так же как и ранее, в период Сопротивления, считал своим долгом работать в антифашистской печати. Еще до газеты «Италия либер» я редактировал начавшую выходить еще в подполье флорентийскую газету «Национале дель popolo» — орган Комитета национального освобождения области Тоскана.

В ответ на вопрос, над чем он сейчас работает, Леви показывает на лежащую перед ним на столе верстку толстой книги. — Это мой новый роман, который скоро выйдет в Италии, — говорит он. — В нем рассказывается о Сицилии наших дней, о жизни и бытае ее жителей, о матери крестьянина, убитого мафией — бандитами, охраняющими интересы сицилийских помещиков, опирающихся на поддержку влиятельных кругов. Это художественное произведение, но оно основано на реальных, конкретных событиях.

Когда мы спрашиваем писателя о названии его новой книги, он улыбается. — Дело в том, — делится с нами Леви, — что я уехал в Москву, так и не придумав для нее названия. Теперь издатель чуть ли не ежедневно звонит мне по телефону и телеграфирует, прося срочно уточнить название. Сейчас я колеблюсь только между четырьмя вариантами названия, а несколько дней назад их было гораздо больше. Надеюсь, что дня через два название, наконец, будет найдено.

На вопрос о планах на ближайшее будущее Леви говорит: — Видеть, видеть как можно больше, использовать как можно полнее эту слишком короткую поездку в Советский Союз. А потом, — добавляет Леви, — не забывать, что я не только писатель, но и художник. Главный род моей деятельности — живопись. — И он показывает нам несколько «фотографий без мяча», удалив большую часть натуралистичных элементов пейзажа. Молодая писательница Д. Ринкуле уже несколько лет специализируется на изображении базарных торгов, спекулянтов и тому подобных подонков общества. Но персонажи ее рассказов раскрываются так, что не вызывают у читателя гнева, протеста, желания бороться с уродливыми явлениями.

Все это говорит о том, что вопрос о глубине и значимости темы, о ее идейной направленности имеет сегодня большое значение для латвийской литературы.

— Тема — это прежде всего вопрос мировоззрения писателя, его отношения к действительности, его боевой позиции, — сказал в своем выступлении секретарь правления союза писателей Латвии поэт Валдис Лукс. — Мы часто фотографируем жизнь вместо того, чтобы глубоко проникать в действительность.

В. Лукс привел пример с прозаиком Р. Помялиссом. Вместо того, чтобы глубоко продумать и усвоить проблемы, которым он посвящает свое будущее произведение, Р. Помялис решил писать роман «вообще» о синиолах. Такое бездумное отношение к теме не замедлило сказаться: роман у автора не получился.

О бескрылости многих рассказов, появившихся за последнее время, их дилетантской и унылым утилитаризмом говорил критик В. Мельниковский. В альманахе «Слова молодых» почти все авторы стремятся назойливо поучать читателя, повторяют прописные истины. Виной этому неправильное, вульгарное понимание воспитательной функции литературы. Огромная тема любви, так потрясавшая раскрытая в лучших произведениях советской литературы, под пером некоторых наших писателей неправильно сужается, сводится к неурядицам в семейной жизни. Исключение представляет интересная «Повесть о любви» И. Меллера, но жал, что и в ней автор, смело поставив острую проблему, уклонился от ее разрешения.

— Советская латвийская литература должна прежде всего понимать вопросы, волнующие народ, главные проблемы нашей действительности, воплощать в художественных произведениях богатый материал, который дает нам жизнь, — привал Арвид Григулис. Обсуждение протекало живо. В нем приняли участие также В. Каупж, Монта Крома, Андрис Веин, молодые поэты Я. Плотник и О. Вацетис. В зале присутствовал широкий литературный актив, пришли почти все молодые литераторы. Видно было, что вопрос, поднятый на обсуждение, волнует писателей.

Конечно, много тема хороша и важна, если она глубоко раскрыта. Но во многих выступлениях еще и еще раз прозвучало утверждение, что любовью и признательностью народа пользуются прежде всего те писатели, которые смело берутся за темы большие и трудные, в произведениях которых читатель может найти ответ на самые животрепещущие вопросы современности.

Р. ТРОФИМОВ. (Наш соб. корр.)

Завершено издание собрания сочинений Балзака

Государственное издательство художественной литературы завершило выпуск пятнадцатитомного собрания сочинений великого французского писателя-реалиста Оноре Балзака. Тираж издания — 65 тысяч экземпляров.

В первые 13 томов вошли широко известные произведения, объединенные автором общим названием «Человеческая комедия». В собрание сочинений включены также драматические произведения, очерки, литературно-критические статьи, избранные письма. Дана краткая летопись жизни и творчества Оноре Балзака.

Приезд венгерских писателей

12 ноября в Москву по приглашению Союза писателей СССР приехали венгерские литераторы — поэт и драматург Дьюла Йейш и литературный критик Иштван Кирай. Гостей встречали представители писательской общественности.

Литература в школе

Короленко в «Истории моего современника» посвятил несколько страниц, проникнутых глубокой проницательностью, страницам учебно-расследовательской деятельности А. С. Пушкина. На его уроках гимназисты впервые услышали о стихах Добролюбова, рассказах Тургенева, стихах Некрасова и Никитина, между тем в то время изучение «словесности» в гимназии официально оканчивалось на произведении Пушкина.

«...Вот сейчас вы услышите, как иные люди мыслят и объясняют самые сложные явления образования», — говорил гимназистам Авдеев, открывая книгу Тургенева. Он учил юношей мыслить, и в этом было значение уроков «словесности». Многие из нас уходили в жизнь, сохраняя добрую память о тех, кто пробудил в нас любовь к родной литературе, научил мыслить над книгой, в «Слове о полку Игореве» открыл чудесный источник нашего литературного языка. Но были и такие «словесники», которые умудрялись отравить от литературы, засунув, обещавшие даже благоуханные ярлычки на хуторе близ Диканьки».

Так было полвека назад. Перед нами письма

школьниц, школьников, их родителей, библиотекарей, учителей. Читайте эти письма, и тогда охватывают трепетом и бесновением. Неужели все эти «образы русских женщин» и «лирические» «представительницы» — это и есть любимые миллионами наших читателей Татьяна Ларина, Наташа Ростова, Печорин, Максим Максимович, Онегин? Неужели можно так сухо и бездушно, протокольно выписывать «черты» смелости, отваги, героизма в Паме Корчагине, Олге Кошевой?

Разве не возникает перед читателем живой, пленительный, цельный образ человека, а не только отдельные «черты», из которых, как из кубиков, складываются некий макет? Разве нельзя в наших школах говорить о том, какими средствами создается художник благородный, цельный характер? Разве нельзя объяснить школьникам прелесть языка Тургенева, жизненность, правдивость диалога у Льва Толстого, красоту пейзажей Гоголя, необыкновенную мощь ритма в его повествовании, музыкальность и страстную силу «Песни о Соколе» Горького?

Есть ли об этом что-нибудь в учебниках и программах?

Нет. В начале учебного года заместитель министра просвещения РСФСР тов. Дубровина отмечала, что преподаватели литературы обращают мало внимания на художественные достоинства произведений, и, разумеется, это правда. В школе выработался стандарт сочинения отличника по литературе. И, наконец, «литерка» поставлена в аттестат, но вышли ли из стен школы молодой человек или девушка с любовью к родной литературе, пробудила ли в них школа страсть и чуждо? Могу ли я литературно излагать свои мысли молодой человек или девушка? Умрут ли они мыслить, вчитываясь в книгу? Далеко не каждый...

И при таких печальных обстоятельствах школьные программы по литературе сокращены, из них вычеркнуты классики зарубежной литературы — Байрон, Мольер, Бальзак... Как будто наша русская литература развивалась в отрыве от мировой литературы! В результате, кончив среднюю школу, молодые люди не понимают смысла лермонтовских стихов «Нет, я не Байрон, я другой...», едва ли знают героев Бальзака, Мольера, о которых писали классики русской критики.

Общезвестны достижения нашей историко-художественной литературы и то, какую пользу она может оказать при изучении истории нашей Родины. Но разве привлекает школа внимание учащихся к историко-художественной, историко-революционной литературе! В результате — истрепанные книги Всеволода Соловьева, Мордовцева, Данилевского переходят из рук в руки, с упрямством, до рези в глазах читаются пошлейшие, проникнутые монархическим духом лженаучные, старые романы.

Немало «отличников» и «отличниц» не владеют литературным языком, не умеют построить фразу, не запутавшись в придаточных, сделать сообщение или доклад на собрании молодежи. Стилистические ошибки в сочинениях говорят о некоем косноязычии, неумении владеть литературным языком, и это не может не тревожить преподавателей, учащихся и, разумеется, нас, читателей.

Литература — это существенная часть жизни каждого человека, будь он писателем, преподавателем или читателем. Вопрос о преподавании литературы в школе крайне важен. Надо серьезно уделить это дело. Поэтому хотелось бы, чтобы читатели «Литературной газеты» поделились своими мыслями, замечаниями, предложениями о том, как лучше преподавать литературу в школе.

Л. НИКУЛИН

С МАЛЫХ ЛЕТ ЛЮБИТЬ ЛИТЕРАТУРУ!

Письма и предложения читателей

Стать настоящим человеком

В «Литературной газете» была напечатана статья Ф. Вигдоровой о первых школьных экзаменах по литературе. Она особенно интересна для нас, для тех, кому скоро придется отстаивать право на знание взрослого человека, достойного «аттестата зрелости». Хочется взять эту последнюю в школьной жизни высоту особенно хорошо, не повторять ошибок предыдущих лет. Поэтому очень прошу писательницу, как близкого к школьникам человека, поделиться мнением о следующих вопросах, которые волнуют, конечно, не одну меня.

Мне кажется, что главная задача изучения литературы в школе вовсе не в том, чтобы обогатить память учащихся датами и отдельными фактами, добиться знания изложенного в учебнике материала или запомнить рассказы учителя. Это, разумеется, тоже нужно, но такие мелочи, в сущности, знания очень трудно сохранить надолго, тем более на всю жизнь. Гораздо важнее, по-моему, научиться правильно разбираться в вопросах литературы и искусства, полюбить могучий родной язык, воспитать под влиянием литературных образов свой характер, научиться строительно и последовательно мыслить, в общем, стать настоящим человеком... Правильно ли это?

В чем должна заключаться подготовка к экзаменам в классе, за несколько дней до их начала? — хочется задать такой вопрос. Можно ли довольствоваться варьированием различных тем, составляя лишь планы преподаваемых сочинений? У нас обычно последние 3—4 урока посвящаются целиком запискам планов, раскрывающих отдельные темы, которые берутся из разработок для преподавателей, из списков тем, бывших в прошлые годы, и т. п. В результате такой подготовки собирается порядочное количество планов сочинений, которые мы стараемся как-то точнее запомнить, и лучшие подготовленным считается тот, кто смог лучше затвердить все эти планы. Я никогда не соглашусь с таким методом подготовки. Если в течение всего года как следует, т. е. до полной ясности, разбирать творчество писателя или поэта, каждое произведение, каждый образ, то на экзамене не страшна любая тема, даже самая сложная и неожиданная. Ведь хорошо разбираешься только в тех вопросах, которые понятны, прочно уложившись в голове. Скажите «экзамен» можно только в том случае, если литературный герой станет в своем представлении живым человеком, хорошим знакомым, а о таком всегда расскажете много, но раздумывая долго и мучительно, не применяя страничку из учебника. Где дается характеристика этого образа, сейчас пока получается иначе.

Эля БАРЫШНИКОВА, ученица 29-й средней школы, КИРОВ

Забудь зарубежные классики

Школьные программы требуют от учащихся знаний по русской и советской литературе. Но в программах полностью отсутствуют такие классики зарубежной литературы, как Шиллер, Мольер, Байрон, Гейне, Бальзак, Шекспир и Гете представляются только «Гамлетом» и первой частью «Фауста».

Чем это можно объяснить? Большой насущностью школьных программ по литературе? Или это результат неверной точки зрения, что нельзя, мол, в стенах школы научить всему, чему хотелось бы? Но этого и не требуется! Однако иметь представление об упомянутых писателях учащиеся должны.

Хорошо, если ученик сам или по рекомендации родителей, учителей, старших товарищей ознакомится с творчеством Шиллера и Бальзака. В противном случае он, при всей своей образованности в пределах школьной программы, рискует остаться разрывным крайне односторонне. Необходимо устранить этот дефект школьных программ по литературе.

Г. РАБИНОВИЧ, инженер, ЛЕНИНГРАД

Нужны хорошие учебники

Сейчас первой, настоятельной необходимостью является создание хороших учебников по литературе для средней школы, таких учебников, которые были бы доступными, понятными, интересными и научно выдержанными. Такие учебники должны стать первым помощником учителя литературы в его благородном и очень важном труде по воспитанию учащихся, вооружению их знаниями, формированию их морального облика. В создании таких учебников должен помочь и Союз писателей СССР.

К. ХОДОСОВ, учитель литературы, ХОРОЛ

Это наша общая забота

Когда Вера приходит из школы, она сейчас же садится за уроки и не встает до тех пор, пока не выполнит все задания. В дневнике у нее почти одни пятёрки, в четвертных отметках за все восемь лет ученой не было ни одной четверки. Кажется, мать должна быть спокойна за свою прилежную дочку-отличницу. Однако, недавно произошел такой случай, который заставил меня задуматься о многом.

Комсомольская организация поручила Вере сделать доклад о культуре поведения школьницы. Дочка сидела над ним три дня, обложившись подшивкой «Комсомольской правды», немерами журнала «Семья и школа» и несколькими книгами. Но после доклада она вернулась вся в слезах.

— Мама, у меня ничего не вышло... Мне сказали, что я не умею думать и не умею говорить, что все это списано...

Она была обречена не на шутку и долго не могла успокоиться. Ее беспокоило не то, что ее критиковали, а то, что доклад ей действительно не удался. Моя дочь — не слабая барышня, и я поняла, что случилось что-то серьезное.

Я постаралась представить себя в ее положении. Первое в жизни серьезное общественное поручение, в первый раз девочка должна поделиться с другими своими мыслями по такому актуальному сейчас вопросу, как культура поведения, своими словами рассказав о том, как она это понимает. И вдруг, когда доклад аккуратно переписан в отдельную тетрадь, где все пункты подчеркнуты красным карандашом, те, для кого она говорит, и она сама ясно

ощущают, что все эти слова — чужие, что юная докладчица не может оторваться от тетради, чтобы не потерять мысль...

— Мне показалось, что я не умею, — призналась потом Вера.

Как же произошло, что в 15 лет, уже почти на пороге самостоятельной жизни моя дочь, имевшая почти одни пятёрки по литературе за устные ответы и сочинения, не смогла выполнить первое практическое задание — сделать доклад, на которые я в свое время не обратила должного внимания.

Я редко в последние годы заглядываю в тетради своей дочери. Но один раз мое внимание привлекла страница, разноразовная, как листы расхожено-приходной бухгалтерской книги с четко проставленными в каждой графе инвентарными цифрами 1, 2, 3, 4...

— Что это такое? — спросила я у Веры.

— Это мы Печорина разбираем — выписываем его черты. Онегина так же разбирали.

Меня тогда это очень удивило, но и только, к сожалению.

Однажды я застала свою дочь за чтением романа Амфитеатрова «Виктория Павловна». Можете представить себе мое естественное возмущение! Вера смуталась.

— Мне читать сегодня нечего, Марина из шестой квартиры дала это...

— Как нечего? Ведь ты сама говорила,

По легкому пути

Библиотекарь — первый помощник учителя в воспитании школьников. Поэтому коллектив отдела детской и юношеской литературы библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хочет поделиться с читателями «Литературной газеты» своим наблюдением над чтением старших школьников.

Основной контингент наших читателей — школьники 8—10-х классов. Как показало изучение формуляров учащихся, они читают в нашем зале в основном литературоведческие книги. За 1954 год выдано научных и научно-популярных книг по различным отраслям знаний 24.384, а книг по литературоведению — 69.862.

Школьникам, конечно, нужны книги, помогающие им в изучении литературы. Но большинство читателей требует критическую литературу, излагающую содержание произведения вместо самого произведения. Так, очень часто просят дать не «Войну и мир», а краткое содержание романа Л. Толстого, не статьи Добролюбова, посвященные творчеству А. Островского, а их изложение. Спрашивают книги на темы: «Столичное и местное дворянство в «Евгении Онегине», «Образ Андрея Болконского», «Образ Рахметова» и т. д., то есть на темы школьных сочинений.

Особенно нас обескураживают такие запросы читателей: «За что я люблю такую-то книгу» или «Мой любимый герой». Но ведь это вопрос сугубо личный, и он должен идти от сердца юноши или девушки, а не быть изложением чужих мыслей!

Самый большой спрос на пособия для учителя, дающие готовый план сочинения, детально разбирающие образы героев. Использование этих пособий почти исключает самостоятельную работу учащихся над текстом изучаемого произведения.

А на полках стоят без движения книги, адресованные школьникам, например, критико-биографические очерки из «Школьной библиотеки» — И. Новикова «Александр Сергеевич Пушкин», М. Муратова «Андрей Рублев», Э. Купина «Степан Разин» наших читателей, так как в них нет ни готовых планов сочинений, ни детальной разработки образов. Они написаны так, что не отменяют самостоятельной работы учащихся над текстом.

Думаем, что такое увлечение школьником литературой, в которой можно позаниматься чужими мыслями, нужно наблюдать над произведениями или готовые планы сочинений, должно так же обеспокоить учителей и родителей, как это беспокоит нас.

По поручению коллектива сотрудников отдела детской и юношеской литературы Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

М. АРКИНА, В. ЖИЛИНА, ЛЕНИНГРАД

Привычка к шаблону

Чему и как учиться наша молодежь на уроках литературы? Передо мной письменные сочинения 150 выпускников средних школ, сдававших экзамены на факультет русского языка и литературы Мелекесского пединститута. Вспоминаются многие устные ответы. Из 150 сочинений только 10 составляют некоторые отклонение от шаблона. В них проявляется сердечное, личное отношение к теме. Все же остальные производят впечатление копии с одного оригинала.

Экзаменуемым было предложено 12 тем по произведениям Пушкина и Лермонтова, по роману Чернышевского «Что делать?», поэзии Некрасова, роману Горького «Мать», поэме Маяковского «Владимир Ильич Ленин», по роману Шолохова «Поднятая целина», Фадеева «Молодая гвардия», Н. Островского «Как закалялась сталь».

В большинстве случаев сочинения написаны грамотно: ошибок мало, фразы построены правильно, мысль развивается логично. Составить трудней и тем более двойку за такое сочинение нельзя. Но и пятерку поставить нельзя — шаблон.

Составляя 5, 10, 15, 20 сочинений на одну и ту же тему, написанных выпускниками разных школ Мелекесса и района, Ульяновска, Куйбышева, Вугульги и других городов, видишь, что во всех сочинениях повторяются одни и те же заученные фразы учебника, выхватываются одни и те же цитаты из произведений, идет одно и то же механическое описание — пересказ.

Совершенно естественно возникает вопрос: какие чувства пробудила и вызвала к жизни художественная литература у юношей и девушек в школьные годы? Ведь художественная литература призвана способствовать всеобщему и гармоничному развитию личности. Однако на вопрос — как вам представляется Павел Корчагин, чем волнует этот образ, почему хочется подражать Корчагину, — экзаменуемый или ничто не отвечает или говорит: «В Павле Корчагине раскрываются черты смелости, отваги, героизма, преданности партии».

Но ведь об этом можно говорить, не читая произведения. И один «черты» без личности нельзя представить. А без пред-

ставления личности героя это и не может возмужать. Знание произведения только по учебнику не влияет глубоко на воспитание чувств и мыслей учащихся.

То же самое повторяется и с другими произведениями других авторов. Экзаменуемые говорят:

— Пушкин в стихотворении «Деревня» разоблачает крепостнический строй.

— Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» разоблачает самодержавный строй.

— Некрасов в стихотворении «Размышления у парадного подъезда» сатирически разоблачает самодержавный строй.

— Салтыков-Щедрин в сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» разоблачает самодержавный строй.

Итак, очевидно, «разоблачение строя» выдается за глубину идейного анализа!

На вопрос же, что вас возмужало в стихотворениях «Деревня», «Смерть поэта», «Железная дорога», «Размышления у парадного подъезда», в «Песне о Соколе», экзаменуемые ответить не могут. А не раскрыть эмоционального, художественного богатства и прелести произведения — значит не понять всей глубины его идейного содержания.

Пустой разговор о метафорах и эпитетах, который часто выдается за художественный анализ, не углубляет, а ухудшает анализ произведения, оплошует его, производит впечатление, что сила заключается не в правдивости изображения, а в том, как удачно писатель распылал на страницах произведения как будто вынутые из кармана пригоршни заготовленные метафоры.

Оставание преподавания литературы в школе от требований жизни как раз и является причиной слабой подготовленности абитуриентов.

Многие учителя наших школ не проявляют творческой инициативы, а механически пользуются готовыми шаблонами устаревших методов. Это и порождает изыскания в школьном преподавании литературы. Настала пора по-хозяйски взяться за коренную перестройку преподавания литературы в школе.

Л. РОЗИН, кандидат филологических наук, доцент пединститута, МЕЛЕКЕСС

Школьникам — живое слово русского языка

литературной речи. Чаще всего это название синонимов, порядка слов в предложении, неправильное употребление слов, несумение пользоваться дееспособными оборотами. Один выпускник 598-й школы Москвы, например, пишет так: «Потерев поражение и в личной жизни, Пушкин хотел ввести Онегина в кружок декабристов, но пот эжег последнюю главу, и эта мечта поэта неосуществилась».

Многочетный опыт изучения письменных работ поступающих в институт приводит к убеждению: необходимо как-то изменить преподавание русского языка в школе. Надо воспитать культуру устной и особенно письменной речи, научить школьников сознательно писать, понимать и чувствовать живое слово, отвечать за написанное и уметь видеть и исправлять стилистические ошибки.

Как известно, полный школьный курс русского языка изучается в V, VI, VII классах. Но может ли ребенок 12—14 лет сознательно, прочно и грамотно усвоить весь сложный материал грамматики? Поэтому

отобразил период коллективизации казачества в колхозы».

Выпускник 135-й школы Москвы пишет монотонно, сухим и бедным языком. На второй странице своего сочинения он одиннадцать раз повторяет слово «Горький», при этом шесть раз подряд в одном только именительном падеже.

Невозможные соединения слов и словосочетаний выпускники школ не признают за ошибки. Во многих сочинениях найдем также выражения: «Нагульнов действует с познции силой», «Первым шагом было расушение слухов...», «В образе Луки Горький проводит идею жалости», «...серьезный отав Онегина об Ольге...», «Нагульнов пробует изменить свой характер... усердно занимается английским языком».

Очень многие сочинения разукрашены вульгарно-социологическими схемами. Но, поскольку эти схемы придуманы авторами учебников и преподавателями, в стилистические ошибки десятиклассников они не включаются, 260 стилистических ошибок составили различные нарушения норм

русского языка во многих школах сводятся лишь к заучиванию правил орфографии и пунктуации.

Посмотрим, что происходит после окончания школы. Не секрет, что по окончании не только школы, но и вуза и даже факультета русского языка и литературы многие молодые специалисты не могут грамотно писать, недостаточно владеют родным языком.

Вывод ясен. В старших классах средней школы, начиная с седьмого, хотя бы в пределах отведенного Министерством просвещения времени, необходимо познакомить учащихся с элементами стилистики, которая дает возможность изучить живое слово родного языка. В стилистике нет места для схоластической зубрежки правил грамматики, зато есть большие возможности для творческой работы. За четыре года учебы выпускник десятого класса будет иметь представление об особенностях художественной речи и сам напишет за это время не один десяток творческих работ.

Н. БУРЛАКОВ, зав. кафедрой русского языка Днепропетровского института имени Менделеева, МОСКВА

Школьникам — живое слово русского языка

Каждый год тысячи выпускников школ сдают экзамены в вузы. Тысячи сочинений по литературе проходят через руки преподавателей. Анализ ошибок в этих работах дает основание сделать некоторые выводы о преподавании русского языка в школе.

На примере сочинений поступающих в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева можно заключить, что 46 человек из 100 не имеют прочных навыков грамотного письма. В ста сочинениях 452 ошибки: орфографических — 85, пунктуационных — 107, стилистических — 260. Особо беспокоит вызывая стилистические ошибки. Они свидетельствуют об ослаблении внимания школы к культуре речи учащихся. Изучение родного языка часто ограничивается только заучиванием орфографических и пунктуационных правил нормативной грамматики.

Приведем примеры. Один экзаменуемый из школы № 2 г. Михайлова Рязанской области пишет в сочинении: «Роман М. Шолохова «Поднятая целина» был написан им в 1932 году, в котором (?) он

Школьникам — живое слово русского языка

отобразил период коллективизации казачества в колхозы».

Выпускник 135-й школы Москвы пишет монотонно, сухим и бедным языком. На второй странице своего сочинения он одиннадцать раз повторяет слово «Горький», при этом шесть раз подряд в одном только именительном падеже.

Невозможные соединения слов и словосочетаний выпускники школ не признают за ошибки. Во многих сочинениях найдем также выражения: «Нагульнов действует с познции силой», «Первым шагом было расушение слухов...», «В образе Луки Горький проводит идею жалости», «...серьезный отав Онегина об Ольге...», «Нагульнов пробует изменить свой характер... усердно занимается английским языком».

Очень многие сочинения разукрашены вульгарно-социологическими схемами. Но, поскольку эти схемы придуманы авторами учебников и преподавателями, в стилистические ошибки десятиклассников они не включаются, 260 стилистических ошибок составили различные нарушения норм

Школьникам — живое слово русского языка

литературной речи. Чаще всего это название синонимов, порядка слов в предложении, неправильное употребление слов, несумение пользоваться дееспособными оборотами. Один выпускник 598-й школы Москвы, например, пишет так: «Потерев поражение и в личной жизни, Пушкин хотел ввести Онегина в кружок декабристов, но пот эжег последнюю главу, и эта мечта поэта неосуществилась».

Многочетный опыт изучения письменных работ поступающих в институт приводит к убеждению: необходимо как-то изменить преподавание русского языка в школе. Надо воспитать культуру устной и особенно письменной речи, научить школьников сознательно писать, понимать и чувствовать живое слово, отвечать за написанное и уметь видеть и исправлять стилистические ошибки.

Как известно, полный школьный курс русского языка изучается в V, VI, VII классах. Но может ли ребенок 12—14 лет сознательно, прочно и грамотно усвоить весь сложный материал грамматики? Поэтому

отобразил период коллективизации казачества в колхозы».

Выпускник 135-й школы Москвы пишет монотонно, сухим и бедным языком. На второй странице своего сочинения он одиннадцать раз повторяет слово «Горький», при этом шесть раз подряд в одном только именительном падеже.

Невозможные соединения слов и словосочетаний выпускники школ не признают за ошибки. Во многих сочинениях найдем также выражения: «Нагульнов действует с познции силой», «Первым шагом было расушение слухов...», «В образе Луки Горький проводит идею жалости», «...серьезный отав Онегина об Ольге...», «Нагульнов пробует изменить свой характер... усердно занимается английским языком».

Школьникам — живое слово русского языка

литературной речи. Чаще всего это название синонимов, порядка слов в предложении, неправильное употребление слов, несумение пользоваться дееспособными оборотами. Один выпускник 598-й школы Москвы, например, пишет так: «Потерев поражение и в личной жизни, Пушкин хотел ввести Онегина в кружок декабристов, но пот эжег последнюю главу, и эта мечта поэта неосуществилась».

Многочетный опыт изучения письменных работ поступающих в институт приводит к убеждению: необходимо как-то изменить преподавание русского языка в школе. Надо воспитать культуру устной и особенно письменной речи, научить школьников сознательно писать, понимать и чувствовать живое слово, отвечать за написанное и уметь видеть и исправлять стилистические ошибки.

Как известно, полный школьный курс русского языка изучается в V, VI, VII классах. Но может ли ребенок 12—14 лет сознательно, прочно и грамотно усвоить весь сложный материал грамматики? Поэтому

отобразил период коллективизации казачества в колхозы».

Выпускник 135-й школы Москвы пишет монотонно, сухим и бедным языком. На второй странице своего сочинения он одиннадцать раз повторяет слово «Горький», при этом шесть раз подряд в одном только именительном падеже.

Невозможные соединения слов и словосочетаний выпускники школ не признают за ошибки. Во многих сочинениях найдем также выражения: «Нагульнов действует с познции силой», «Первым шагом было расушение слухов...», «В образе Луки Горький проводит идею жалости», «...серьезный отав Онегина об Ольге...», «Нагульнов пробует изменить свой характер... усердно занимается английским языком».

По легкому пути

Библиотекарь — первый помощник учителя в воспитании школьников. Поэтому коллектив отдела детской и юношеской литературы библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хочет поделиться с читателями «Литературной газеты» своим наблюдением над чтением старших школьников.

Основной контингент наших читателей — школьники 8—10-х классов. Как показало изучение формуляров учащихся, они читают в нашем зале в основном литературоведческие книги. За 1954 год выдано научных и научно-популярных книг по различным отраслям знаний 24.384, а книг по литературоведению — 69.862.

Школьникам, конечно, нужны книги, помогающие им в изучении литературы. Но большинство читателей требует критическую литературу, излагающую содержание произведения вместо самого произведения. Так, очень часто просят дать не «Войну и мир», а краткое содержание романа Л. Толстого, не статьи Добролюбова, посвященные творчеству А. Островского, а их изложение. Спрашивают книги на темы: «Столичное и местное дворянство в «Евгении Онегине», «Образ Андрея Болконского», «Образ Рахметова» и т. д., то есть на темы школьных сочинений.

Особенно нас обескураживают такие запросы читателей: «За что я люблю такую-то книгу» или «Мой любимый герой». Но ведь это вопрос сугубо личный, и он должен идти от сердца юноши или девушки, а не быть изложением чужих мыслей!

Самый большой спрос на пособия для учителя, дающие готовый план сочинения, детально разбирающие образы героев. Использование этих пособий почти исключает самостоятельную работу учащихся над текстом изучаемого произведения.

А на полках стоят без движения книги, адресованные школьникам, например, критико-биографические очерки из «Школьной библиотеки» — И. Новикова «Александр Сергеевич Пушкин», М. Муратова «Андрей Рублев», Э. Купина «Степан Разин» наших читателей, так как в них нет ни готовых планов сочинений, ни детальной разработки образов. Они написаны так, что не отменяют самостоятельной работы учащихся над текстом.

Думаем, что такое увлечение школьником литературой, в которой можно позаниматься чужими мыслями, нужно наблюдать над произведениями или готовые планы сочинений, должно так же обеспокоить учителей и родителей, как это беспокоит нас.

По поручению коллектива сотрудников отдела детской и юношеской литературы Государственной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

М. АРКИНА, В. ЖИЛИНА, ЛЕНИНГРАД

Не умалить значения литературы

Знание русского языка и литературы составляет первостепенную моральную воспитательную, культурную задачу подрастающего поколения. Большое умаление учебного веса литературы в учебном плане школы ведет к ослаблению ее воспитательного воздействия.

Взять хотя бы вопрос о развитии эстетических вкусов учащихся. Разве этот вопрос можно решить без литературы или... путем сокращения часов для преподавания литературы? Неужели это не ясно руководителю Министерства просвещения? Литература — это учебник жизни. И нужно уделять достойное внимание ее преподаванию в школе.

Н. ФАХЕЕВ, военнслужажий

Преподаватели вузов, принимающие экзамены, часто отмечают, что ученик, например, не мог объяснить фразы из «Гора от ума» или «Евгения Онегина», не имел четкого представления о творческом пути писателя, об исторической обстановке в стране, что ученики плохо знают произведения, не понимают путей развития литературы.

Но что может знать ученик о романе «Анна Каренина», если на его изучение отводится 1 час урока, то есть 20—25 минут объяснения! Иногда ученики сами говорят, что хотели бы больше знать о произведениях писателя... Непонятно, например, почему исключено из программы такое произведение, как «Господа Головлевы»? Представление у школьников о Щедрине довольно убогое, как и о многих других классиках.

А. БАРАХМАН, учительница

У учителя-словесника очень много дела. Научить учащихся писать сочинения — это трудная и сложная работа, и достоянием возможно только при условии достаточного количества сочинений и достаточного количества классных уроков. Внеклассные, внешкольные, дополнительные, индивидуальные задания и занятия — все это учитель использует для того, чтобы закрепить и пополнить знания учащихся. И все эти мы имеем еще много неуспевающих учеников. Поэтому недавно проведенное сокращение учебных часов на литературу не способствует уменьшению числа неуспевающих.

А. ЛАРУШКИНА, учительница русского языка и литературы, ЛЬВОВ

ЖИВЫЕ СЕМЬИ И ХУДОСОЧНЫЕ СХЕМЫ

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по-своему».

Так было во времена Карениных, Левых и Обломоков. В наши дни, если не в жизни, то, во всяком случае, в литературе, положение, оказывается, существенно упростилось: несчастные семьи тоже стали похожи друг на друга...

Возьмите книгу, где речь идет о неудачной семье, и вы убедитесь, что причина семейных неурядиц очень часто одна и та же: муж — работник, живущий в просторном мире больших дел и забот, и жена — домохозяйка, замкнувшаяся в четырех стенах дома, начинающая утрачивать душевную близость. Дальше — больше. Третьяча в семейной твердыне угрожающе растет и в конце концов превращается в злаяющий провал. Словоз связывает перед автором открываются два пути: первый (трюка едра — заметная) — семья развивается, второй (торный шлях) — жена поступает на работу или на учебу, упорхнувшая было семейная гармония незамедлительно влетает в окошко.

Подобную сюжетную канву мы найдем у самых различных авторов — и у В. Павловой в «Кружизне», и у Г. Медынского в «Повести о юности», и у А. Коптевой в «Иване Ивановиче», и у многих других. Разумеется, узоры, вышиваемые по этой канве, отличаются друг от друга — и подчас существенно. Но суть дела не меняется. Семейная коллизия, о которой мы говорили, правдива — она весьма характерна и встречается нередко. Но сказать, что «от нее все качества», — значит сказать неправду. Когда эта важная, но все-таки никак не единственная коллизия возводит в ранг правила, мы вправе утверждать, что книги, описывающие такую коллизию, взяты в совокупности, дают обобщенную, перенерую картину советской семьи.

Каждый может без труда припомнить вполне счастливые, крепчайшие семьи, где жена не работает. Нетрудно вспомнить и иные: муж и жена погружены в служебные заботы, у каждого интересное дело, работа, а семья трещит по всем швам. Да, бывает и так и этак, и всегда — по-разному. Нетрудно заметить, что в первом случае, если бы многие книги не напомнили о том, что, хорошо известная на словах, она часто игнорируется на деле. Все еще выходит немало книг, где семейная драма катится по сюжетной схеме, как трамвай по рельсам, — маршрут известен, останки размечены. Недавно в это, и сожаление, все еще оживленное движение включился украинский писатель А. Гурев своим романом «Жизнь идет» («Радяньскый письменник», 1954).

В нашу задачу не входит всесторонняя оценка романа, охватывающего широкий круг тем и написанного на интересном материале. Мы берем только отношение главных героев — Андрея и Кати. С этой точки зрения роман заслуживает беспорочного внимания. Схема воспроизведена в нем с полной откровенностью.

«Б своим семейным обязанностям Катя приступила с энтузиазмом. Несмотря на ограниченные возможности (продукты тогда выдавались по карточкам), она неутомимо изобретала многочисленные комбинации, чтоб бланда выходящая питательная, разнообразная и вкусная. Конечно, при этом не игнорировалась и бережливость... Квартиру свою Катя держала в идеальном порядке. В короткое время на стенах, этажерке, книжном шкафу и везде, где только можно было положить или прицепить, появились разные вышивки и мелкие украшения, изготовленные собственными руками».

Коротать свободные минуты Кате помогает соседка Аделаида Ивановна, глупая и развратная мешанка. Автор настойчиво (мы бы сказали — назойливо) убеждает нас, что эта дружба случайная, что Катя — «совсем другая». «Кате даже противно было разговаривать с ней». Почти поверив автору, мы с удивлением ровню через две страницы узнаем, что «за два месяца знакомства с Аделаидой Ивановной они сблизились настолько, что уже свободно говорили обо всем, о чем могут говорить между собой две женщины примерно одного возраста».

Судя по приведенной автором беседе подруг, «женщины примерно одного возраста» или сплетничали, или подумывали «длинные разговоры с мужьями. Справедливо ради следует отметить, что Катя про себя называла подругу развратной и душой медницей. Но мы не склонны поддаваться легковесию автора, устроившего в этом нравственном превосходстве Кати. Гораздо больше это похоже на лицемерие и беспринципность.

Иногда Катя уставала от Аделаидиного притязания и пошлости и «думала совсем о другом». О чем же «совсем другом» размышляла героиня? Во-первых, «о вышивке, которая должна быть красивой», во-вторых, о самой Аделаиде («Удивительно: человек живет в наше время, также бурное и необидное, а сама типичная обывательница...»). В-третьих, о том, что нужно «кагда-нибудь намахнуть ей, что влазит с ногами на чужую постель — некультурно и противно. Обычное свидание».

Что же в этих размышлениях Кати такого, что не могло бы с тем же успехом принадлежать Аделаиде? Слова о «нашем времени»? Но тут они звучат фальшиво.

И вдруг — странное через двадцать — с Катей неожиданно происходит чудесное превращение: она порывает отношения с Аделаидой, она вспоминает, что, «кроме того, что она жена, она также гражданка» (выделено А. Гуревым) и ее священнейший долг — отдать все для своего народа, все ценнейшее сокровища, какие в ней есть». В семье назревает разлад. Заканчивая украшение книжного шкафа вышитыми

салфеточками, Катя просит мужа разрешить ей вернуться к работе... хирурга. Андрей только что очень выразительно отверг Катину предложение прогуляться к реке, произнеся следующую эмоциональную тираду: «Когда речь идет о моих служебных обязанностях, ты, будь добра, не противопоставляй им наши отношения. В подобных случаях каждую твою претензию я имею основания квалифицировать как обычный каприз... На новую «претензию» жены он реагирует столь же темпераментно, но не очень ясно: «То, что ты хочешь пойти на работу, целиком нормально, но я не понимаю, почему ты не можешь (выделено А. Гуревым) так жить, как жила раньше?». Туманность ответа не случайна — ведь отклонил аргументированное ходатайство жены положительный герой не может, а поставив он сразу же резолюцию «быть по сему», — что же тогда должно делать автору с героями, как развить «конфликт»?

Впрочем, все, разумеется, улаживается как нельзя лучше. Катя меняет кухонный нож на хирургический с такой торжественностью, что, смена к операционному столу, она хотя «еще не видела больного, но уже прикидывала в уме, что могло с ним быть...». Еще невозможно — и в семье снова водворяется тишь и благодать.

Конечно, все это звучит достаточно пародийно, но не веселая ради мы столь подробно цитируем А. Гурева, намеренно обложив схему, — пусть он извинит за это. В романе «Жизнь идет» ясно сказалась подлинная причина возникновения схемы — механическое внесение в семейный конфликт общественного начала.

Неповторимо своеобразны жизненные драмы Анны Карениной, Жюльена Сореля, Григория Мелехова и Акинина, Рощина и Кати. Разве потеряли индивидуальность человеческие судьбы, судьбы семьи в наши дни? Разумеется, нет. Более того, именно в нашу, советскую эпоху, впервые в истории человечества открываются перед человеком безграничные просторы развития индивидуальности, человеческая личность в нашей стране развивается свободно, проявляя все более многогранно.

Семья всегда была ячейкой общественной. Но в условиях эксплуататорских формаций, где брак был «кулачей-пролаем», общественное начало было всегда антагонистично началу личному, выступая лишь в виде преграды на пути любящих. В этом нетрудно убедиться, обратившись к любому классическому произведению, — принадлежат оно перу Л. Толстого или А. Островского, Шиллера или Стендаля.

В нашем обществе личное и общественное в семье, в отношениях любящих взаимопроникают. Но в каждом случае это сочетание личного и общественного проявляется по-своему, по-разному влияя на судьбу семьи и отдельной человеческой личности.

Вот почему глубоко несостоятельны попытки механически решить вопрос об общественном долге женщины. «Учись или работай на предрепития (в колхозе, учреждении), и только тогда ты выполнишь свой долг перед обществом и семьей», — говорят многие книги наших писателей.

Жизнь женщины, отданную семье, воспитанию сына, Г. Медынский, например, в «Повести о юности» прямо называет «обедненной, ограниченной» и намечает для своей героини Батагиной выход в изучении стенографии.

Это вульгаризаторское решение вопроса. Разве не выполняет общественную миссию, почетную и трудную, мать — домашняя хозяйка, воспитывающая детей?

Матери — домашние хозяйки вырасти Улю Грому и Ваню Земнухова. Разве они не выполнили с честью свой общественный долг? Разве не заслуживают глубокого уважения никогда не работавшая бедняжка Маргарита Валерьевна из «Кружизны», поглощенная массой добровольно взятых на себя общественных забот?

«Отставание» одного из супругов действительность приводит подчас к острым конфликтам, а иногда и к распаду семьи. Отражение этой жизненной коллизии в литературе вполне закономерно. Незаконно мерен лишь чрезмерно повышенный интерес к ней литераторов, хотя объяснить его нетрудно — именно в этой ситуации новое в советской семье расширяется прочнее всего, и здесь легче избежать ошибок в трактовке, в раскрытии новых этических норм, в показе нашей все более крепнущей коммунистической морали. Но разве не долг каждого художника избегать путей, которые «протоптаны и легки», идти вглубь, поднимать не тронутые еще литературой пласты человеческих отношений? А. Гурев, в соизменении, пошел не от человека, а от заранее заданной ситуации. И правдивый конфликт превратился в глупую схему, реальное жизненное содержание оказалось выхолащанным.

Никто, разумеется, не будет возражать против рассматриваемой нами коллизии при одном условии — если она будет органически вытекать из столкновения характеров. Лучшее доказательство тому — неизменный успех арбузовской «Тани». Недавно совершенно новое звучание приобрела эта коллизия в повести В. Тендрюка «Не ко двору», раскрывшись как противоположность мировоззрения, жизненных позиций Федора и Стени.

Стремление отойти от шаблона, наметить знакомую ситуацию живым содержанием характерно для романа молодого донковского писателя Анатолия Димарова «Его семья» («Живень», №№ 10, 11, 12 за 1954 г., №№ 7 и 8 за 1955 г.). Произведение начинающего автора еще далеко от совершенства — ему пока не хватает глубины и проникновенности, но падается в нем хорошо известные по другим книгам фигуры (например, ослетевшая

мешанка — «наперенца» главной героини — нерешительный компонент схемы), кое-где автору изменяют вкус, художественное чутье. Некоторые персонажи бесцветны, другие будто взяты напрокат из давно известных литературных произведений. Есть сюжетные линии, психологически очень слабо мотивированные, например, вся история отношений главного героя Якова Горбатюка с его давней приятельницей Валей. В ряде случаев автор прибегает к упрощенно прямолинейному изображению чувств и поступков своих героев. «Узкое место» книги — ее язык, сухой, бесцветный, перламутровый. Но роман «Его семья», даже в нынешнем виде, возмущает правдивым рассказом о трудных человеческих судьбах, попыткой, ничего не скрывая, раскрыть сложность и противоречивость мыслей и чувств героев романа.

Нелегко и непрост складывается личная жизнь журналиста Якова Горбатюка и его жены Нины. Оба героя далеки от «идеальности», от пресловутой «справедливости». Многие их поступки не могут не вызвать решительного осуждения. А. Димарова это не утешило — он уверен, что в конечном счете его герои имеют право на сочувствие читателя.

Он не торопится «заключить» героя, совершившего неэтичный поступок, а хочет поглубже разобраться в ситуации, посмотреть на него с точки зрения действующих лиц. И начальный этап охлаждения суицидов, увиденный читателем глазами Якова и глазами Нины, помогает уяснить в их отношениях больше, чем это могли бы сделать любые пространственные авторские декларации.

Нина вышла замуж в семнадцать лет. Мир расширялся перед ней в чудесном урчастье, и не хотелось думать, что за праздниками придут будни. Но они пришли. Весь день — работа по дому, которой не видно ни конца, ни края; мелкие заботы, нет друзей, а Яков всякий раз возвращается из редакции веселый, оживленный, в его рассказе мелькают веселые имена, он радуется и пеленится чужим и далеким для Нины делом. И мало-помалу в душе Нины начало назреть глухое раздражение, росла болезненная подозрительность: муж и дети были для нее всем, а для него она и дети были лишь частью большого мира.

Увлеченность Якова своим делом кажется Нине лишь прикрытием увлеченной совсем другого рода. На каждом шагу ей мерещится соперница, к ним — этим воображаемым «различницам» — она остро ренуется мужа.

Ревность — чувство, которому заметно не везет в литературе последнего времени. Если судить только по книгам, то можно прийти к выводу, что оно и вовсе исчезло или стало немощным. Увы! Оно все еще живет, попрежнему омерзая, а то и ломая немало человеческих жизней.

Выпешки ревности постепенно превращаются в скандалы, унизительные и для Якова и для Нины. И круг замкнулся — Якову тяжело стало быть дома. После редакции, чтоб хоть как-то оттянуть тягостные минуты свидания с женой, чтобы избежать ее необоснованных нападков, он засиживался в ресторанах, возвращался поздно, пьяным, а это еще больше накаляло атмосферу. С каждым днем совместная жизнь Якова и Нины становилась все более невыносимой.

Семья фактически распалась, и автор не торопится склеить ее.

Несомненное достоинство романа «Его семья» в том, как автор показал влияние нашего общества, его идеалов и морали на судьбы Якова и Нины. У некоторых литераторов обобщение поступков героя на собрании стало лексиконным беззастенчивым и мгновенно действующим. Не обострится без собрания и А. Димаров, но в его романе не только собрание, но и воздействие всей логики нашей жизни, складывающейся во множестве, на первый взгляд, незначительных фактов, постепенно изменяет взгляды, характеры четырех героев, как бы направляет их в поисках верного решения.

Другое достоинство романа в том, что он полемичен, ибо направляет против ханжеского морализатора, нанесшего нашей литературе огромный вред сужением ее «жизненного горизонта». В связи с этим хочется отметить одну применительную сцену в романе. Адвокат перечисляет Якову признанные законом основания для развода. Их немного. И это вполне естественно — ведь закон, по самой своей сущности, призван обобщить жизненные отношения, абстрагируясь от особенностей их индивидуального проявления. Но, читаясь в эти страницы, с удивлением убеждаешься, что даже не все эти общие основания нашли в литературе отражение, что закон более конкретно подходит к семейным отношениям, чем многие литераторы, призывающие иметь дело с человеческой личностью — всегда неповторимой — и только через индивидуальное раскрывать общественное.

К этому и стремился наш литератор. То, что в лучших произведениях у каждого из героев личная жизнь складывается по-своему, нисколько не уменьшает силы обобщения, заключенной в книгах, — ведь обобщение должно проявляться не в схождении ситуаций и конфликтов, а в провозглашении художественным воплощением нравственных принципов.

Ханжеские окрики «так у нас не бывает», немало способствовавшие выработке всякого рода «спасительных» схем, наносят вред полноте изображения жизни советского человека, а значит, уменьшают воспитательную роль литературы, умаляют ее нравственную силу. Схема, какой бы «выверенной» и «сбалансированной» она ни была, может дать автору лишь основания для нравственных сентенций. Но не в велебных декларациях, не в менторских поучениях, а в живой правде человеческих судеб — высокий нравственный урок, который дает читателю литература.

Государственное издательство художественной литературы готовит к печати «Избранные произведения» Адама Мишкевича в двух томах. На снимке: иллюстрация художника Л. Краченко к произведениям поэта.

Новые книги

- Залата Ф. На Юге. Роман. Книга 1. Киев. «Радяньскый письменник». 531 стр. Цена 7 руб. 15 коп. Издана впервые.
- Зеленский К. Джабула. Критико-биографический очерк. «Советский писатель». 166 стр. Цена 2 руб. 70 коп. Издана впервые.
- Левин К. Христос остановился в Эфле. Очерк. Перевод с итальянского Г. Рубиной. Издательство иностранной литературы. 231 стр. Цена 6 руб. 05 коп. Издана впервые.
- Мирмухсин М. Стихотворения и поэмы. Авторизованный перевод с узбекского. «Советский писатель». 150 стр. Цена 2 руб. 90 коп.
- О долге, дружбе и любви. «Молодая гвардия». 232 стр. Цена 5 руб. 65 коп.
- Салтыков-Щедрин М. Незвинные рассказы. Гослитиздат. 200 стр. Цена 3 руб. 60 коп.
- Сологуев В. Таранас. Путевые впечатления. Гослитиздат. 151 стр. Цена 2 руб.
- Хауган С. Из земли ты вышел. Роман. Перевод с норвежского А. Спировича. Издательство иностранной литературы. 228 стр. Цена 6 руб. 10 коп. Издана впервые.

Ф. С. ШКУЛЕВ

К 25-летию со дня смерти

Первое «стихотворение», в котором было всего две строчки, Шкулев посвятил своему хозину.

Хозяин наш — зверь, Грозится выгнать меня за дверь.

Дорого обошелся Шкулеву его первый литературный опыт. Хозяин любил мальчика до полусмерти и строго-настрого запретила заниматься «блатовством».

В 1891 году Шкулев впервые увидел в печати два своих стихотворения. Пародка стихи Шкулева стали появляться и в журналах.

Летатами его с большим трудом. Редакторы требовали стихов, идеализирующих крестьянский труд, а Шкулев писал: Зарастай, полоска, Сорною травою. Тебя не распашут, Горюшко с пужлоком...

Требовали, чтобы в стихах чувствовалась радость, благообразие быта, удовлетворение своей жизнью, а он писал: Скуно, томительно Время идет... Страшно, мучительно Давит нас гнет...

От таких стихов редакция наотрез отказывалась. Приходилось писать безымянную лирику. Из лирических стихов в 1895 году и составилась первая книжка «Дума пахаря». Переводные рабочие, с которыми был знаком Шкулев, прямо сказали молодому автору, что стихи написаны гладко, но автор словно на небесах живет, не видит, что вокруг него делается, не знает людей, которые его окружают.

Общение с первыми рабочими, чтение политической литературы, которой снабжали его рабочие, расширили горизонты самоучки-поэта.

Книжка Шкулева «Смелые песни» привлекла внимание рабочих, передававших ее из рук в руки, но на нее обратила внимание и полиция, не замечавшая конфисковать в матангах оставшиеся экземпляры.

Рассказывая нам, участником литературного объединения «Рабочая весна», о своем творчестве, Шкулев не раз говорил,

ПРОЖИТОЕ ИЛИ ПЕРЕЖИТОЕ

С не меньшей настойчивостью выхолощали авторы сценария и образ Пацеллы. Антон Пацелла в романе — бедняк, всячески старающийся пробиться к богатству. Жадна собственности вытесняет все другое его чувства. Разбогатев, во что бы то ни стало — вот что движет всеми поступками Антона. Во имя этого он женится на богатой наследнице Лине Мелдер, бросает забеременевшую Ильзу Лиду. Во имя этого после смерти третьей жены он идет к Илизе, ставшей одним из руководителей района и, следовательно, по его понятию, богатым человеком. «Разжалобить, пробудить в сердце Илизе давнишние чувства... и во второй половине жизни завететь на такие высоты благополучия, какие ему никогда еще не снились» — вот что думало Пацеллом. Но ничто не помогло ему — только вступив после долгих и мучительных колебаний в колхоз, обрел Пацелла прочный достаток.

А в фильме Пацелла представлен деревенским «сердечником», понавившим под башмак третьей жены и раскрасившим рыдающим на груди детей в конце фильма.

Обеднение образа Пацеллы особенно досадно — Пацелла занимает большое место в фильме, но совершенно утрачен поучительный смысл его судьбы — судьбы крестьянина, ослепленного призрачным блеском богатства, крестьянина, с трудом приставшего к новому берегу — берегу социализма.

Разумеется, авторы сценария вправе находить свое художественное решение, иначе трактовать некоторые эпизоды, ускорить или изменить развитие образов, но ведь это должно быть по меньшей мере равноценным решением, а вот этого и не удалось добиться В. Алексееву и Л. Лукову.

На смену психологической характеристике пришли не обязательные для развития действия живописные массовые сцены, поверхностные трюки и пресмы.

Настойчиво использует Л. Луков на протяжении всего фильма один и тот же прием трагического завершения эпизода: в изнеможении падает Илиза, тянущая санки со скамьей, и затихает в шуме бурна голоса маленького Артура; валится на проволочку сраженный при штурме высоты Айвар; подкосившая вразрезкой пулей Анна. И вдруг в следующем эпизоде — в середине или конце его — бодро сообщается, что герои живы и здоровы — «на радость зрителю».

Но не радость — досада растет от этих односторонних воскрешений, и не смех — уныние рождается при виде того, как Илиза, узнав о чтевии Яном подпольной литературы, вскрикивает «Ах!» и падает со скамьей; при виде того, как приходит в тайную типографию Артур, наряденный в трубочеством и аттриментированный сажеек с тубин усердием, что на него, словно на домового, должны на улице выть даже влажные виды городских собак.

Как много прожито, как мало пережито, — легко перефразируя известный афоризм, невольно хочется сказать об основных героях фильма. Драматическая глубина ситуации подменяется своеобразным кинематографическим пунктиром, прерывающимся лишь внешним движением событий, сложность и противоречивость характеров — любовными, элементарными мотивировками, искренностью чувств — выпспреними, рассудочными монологами.

Наше кино имеет уже большой и поучительный опыт экранизации литературных произведений. И обидно лишь раз убедиться, что мало накапливать опыт, — нужно еще учиться на нем.

В романе Таурин, узнав о приходе Айвара с частями Советской Армии, верит, что в душе его воспитанника сохранилась все то, чему он учил его. Эта слепая вера и подвела Таурин, надевавшегося, что Айвар не выдаст его.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

В фильме же мы видим еще одну удручающе штампованную сцену: Айвар явится под дулом пистолета, а Таурин злобно говорит, что второй раз он не промахнется; но в момент выстрела — «совсем как в кино!» — руку Тауриня отводит незаметно вошедший Ян. Так кинематографические трюки подменяют изображение идейного банкротства врага.

Ирина СНЕГОВА А Ю Б О В Ъ

У нас говорят, что, мол, любит и очень, Мол, балует, ходит, ревнует, длеет, А, помню, старуха-соседка короче, Как встарь в деревнях, говорила: жалует. И что, платок затянувши потуже, И вечером в кухне усевшись погреться, Она вспоминала спаножника мужа. Как век он не мог на нее насматреться. «Поедет он смолдоу, помнитца, в город, Гладишь, уж летит, да с каким полшалком! А спрощишь — чего, мол, управился спор? Не снажет, — что, мол, меня ум жалко. Змой мой хозин тачает, бывало, А и уже лагу, я спать мастерина.

Он встанет, поправит на мне одеяло, Да так, что не скрипит под ним половица. И сидит огню в уголке своем тесном, Не сплужет колодка, не звякнет гвоздочек... Дай бог ему отдыха в царстве небесном! И тихо задыхая: «Жалею меня очень». ...В ту пору еще это смешным мне казалось. Казалось, любовь чем сильнее, тем злее. Трагедия, буря... Какая там жалость! Но юность ушла, что нам сорваться с нею?.. Недавно, божья, бессиленный яблонь, Я встретил вдалеке твой истерзанный, милый, И вспомнилась вдруг мне та старая бабка — Как верно она про любовь говорила!

У нас говорят, что, мол, любит и очень, Мол, балует, ходит, ревнует, длеет, А, помню, старуха-соседка короче, Как встарь в деревнях, говорила: жалует. И что, платок затянувши потуже, И вечером в кухне усевшись погреться, Она вспоминала спаножника мужа. Как век он не мог на нее насматреться. «Поедет он смолдоу, помнитца, в город, Гладишь, уж летит, да с каким полшалком! А спрощишь — чего, мол, управился спор? Не снажет, — что, мол, меня ум жалко. Змой мой хозин тачает, бывало, А и уже лагу, я спать мастерина.

Он встанет, поправит на мне одеяло, Да так, что не скрипит под ним половица. И сидит огню в уголке своем тесном, Не сплужет колодка, не звякнет гвоздочек... Дай бог ему отдыха в царстве небесном! И тихо задыхая: «Жалею меня очень». ...В ту пору еще это смешным мне казалось. Казалось, любовь чем сильнее, тем злее. Трагедия, буря... Какая там жалость! Но юность ушла, что нам сорваться с нею?.. Недавно, божья, бессиленный яблонь, Я встретил вдалеке твой истерзанный, милый, И вспомнилась вдруг мне та старая бабка — Как верно она про любовь говорила!

Дэвид КОЭН,
индийский журналист

Мустафи Али Бег — сборщик подписей

Рисунки для «Литературной газеты» индийского художника САНДИ

Вклад великого индийского народа в дело защиты мира общепризнан. «Народ и правительство Индии выступают за мирное урегулирование всех спорных вопросов путем переговоров», — заявил на сессии Бюро Всемирного Совета Мира представитель Индии Косамби. Индийские сторонники мира ни на один день не прекращают своей кипучей деятельности. Накануне Женевского совещания министров иностранных дел в одной только Западной Бенгалии был собран 1 миллион подписей под Венским Обращением. Мы помещаем очерк индийского журналиста и рисунки, иллюстрирующие эпизоды деятельности индийских сторонников мира.

КАБ мало знаем мы о тех мужчине и женщинах, которые проходят мимо нас или работают рядом с нами! А ведь часто в них таятся, подобно сокровищам, редкие таланты и большие силы. Взять, к примеру, Мустафи Али Бег, с которым я встретился недавно в Хайде-рабаде на Всемирной конференции азиатской солидарности. Кто-то верно заметил, что в Индии нет юношей, — есть только дети да старики. Я вспомнил эти слова, когда встретил Мустафи. Ему всего 28 лет, но хоть в глаза его и мелькает время от времени живой огонек, — это глаза человека, много пережившего и много повидавшего на своем веку. В волосах его виднеется седая прядь. Только когда он улыбается, видно, как он молод.

Мустафи рассказал мне столько интересных случаев из своей жизни, что мне хочется повествовать о них всюду, где люди борются за мир.

Мустафи был тогда студентом. Он жил с отцом — престарелым пенсионером, младшим братом и тремя сестрами. И вот в один прекрасный день Мустафи и три его одноклассника собрались у скалы близ города и решили начать сбор подписей под Воззванием в защиту мира, против угрозы атомной войны.

Вскоре они выработали определенный план действий. Начали они обычно рано утром на вокзале. Когда пассажиры выходили на платформу выпить чашку чая, Мустафи и его друзья собирали у них подписи под Воззванием. Иной раз они выступали тут же, по окнам вагонов. Потом они собирали подписи в колледже, потом обходили лачуги и чайные, выступали с речками на перекрестках — и так до самой ночи. «Почти все ставил подписи», — рассказывал Мустафи и добавлял с улыбкой: «А некоторые нас ескорбляли...»

Тут подошли три друга Мустафи и начали объяснять бороздному, что он должен сделать это не только для себя, но и для своих детей. Речь идет об их будущем. Только мир может открыть путь к жизни, ибо он несет процветание.

Вскоре они выработали определенный план действий. Начали они обычно рано утром на вокзале. Когда пассажиры выходили на платформу выпить чашку чая, Мустафи и его друзья собирали у них подписи под Воззванием. Иной раз они выступали тут же, по окнам вагонов. Потом они собирали подписи в колледже, потом обходили лачуги и чайные, выступали с речками на перекрестках — и так до самой ночи. «Почти все ставил подписи», — рассказывал Мустафи и добавлял с улыбкой: «А некоторые нас ескорбляли...»

«А некоторые нас ескорбляли...»

Тогда бородатый тоже поставил свою подпись. Собрав множество подписей, они поспешили в университет на празднование Дня Объединенных Наций. Там присутствовал главный министр штата и многие другие. Борцы за мир приняли смелое решение: первой подписи они добьются у министра. И вот когда именитые гости собрались в президиум, а остальные участники праздника стали рассаживаться по местам, они подошли к главному министру и вручили ему листок с текстом Воззвания. Прочитав его, главный министр удивился. Он широко раскрыл глаза и ошеломленно уставился на четырех студентов. Потом проговорил: «И вы думаете, что это вы подписали?» «Да», — ответил Мустафи. — «Даже вы должны это сделать!» И главный министр подписал. После этого сбор подписей пошел быстрее. Подписали министр торговли и промышленности.

Подписали все студенты. Студентки по мусульманскому обычаю сидели отдельно от завянувших. Им переслал бланк. Когда этот бланк пришел обратно, на нем стояли подписи всех студентов, сидевших за занавеской. Одна подпись была сделана черной краской, но на чернила это не было похоже, цвет какой-то странный — сперва был яркий, а потом потемнел.

«Да это кровь!» — воскликнул кто-то. Так оно и было. Под подписью стояли слова: «За мир и жизнь я готова отдать свою кровь!» Из университета они поспешили в редакцию газет, обошли многих редакторов, журналистов. Подписали почти все. Один редактор отказался. «Третья мировая война неизбежна», — заявил он. — «Все равно два враждебных лагеря не могут жить бок о бок друг с другом». Студенты возражали, что война дела не решит. Тут редактор на них обрушился. «У вас много запреты на русский замок», — кричал он. Студенты ответили: «А у вас много запреты на английский замок, и открываюся он только американским ключом». Они решили не оставлять так этого дела. И вот в других газетах появились сообщения, что такой-то редактор жмет третью мировую войну. Позднее он баллотировался в законодательное собрание и провалился.

«Правильно», — отозвался Мустафи. — «Но вы забываете, что враги мира во всем мире — они в то же время враги мира между религиозными общинами. Разве вы забыли, кто провоцировал столкновения между индусами и мусульманами?» — И богослов подписал Воззвание. Затем они отправились в трущобы Султан-базара. Здесь вокруг маленького черепичного заводика ютится горелая беднота. Когда студенты рассказали молодому метельщику Джарма Сингу, о чем говорится в Воззвании, он неожиданно разволновался, побежал за соседями и стал уговаривать их поставить под Воззванием отпечаток пальца, — писать почти никто из них не умел. Некоторые говорили: «А мы слышали, что это дело рук коммунистов». Но другие возражали: «Нет, это общее дело, дело мира».

«А некоторые нас ескорбляли...»

РУБЛЬ И ФУНТ

Торговля между Англией и СССР значительно выросла в первой половине этого года. За первые четыре месяца английская торговля со странами Восточной Европы — в особенности с Советским Союзом — увеличилась на 40 проц. Так, например, мы импортировали из СССР хлопчатобумажные ткани, чем за весь 1954 год. Такое же увеличение произошло в импорте серебра, чугуна и рыбопродуктов. Надо сказать, что хотя все это принесло несомненную пользу, это все-таки капля в море. Фактом остается также и то, что в первом полугодии такие страны, как Западная Германия, Франция, Финляндия, Швеция, Голландия и Бельгия, экспортировали в Советский Союз больше, чем Англия.

Однако имеющееся улучшение очень важно, как показывает то, что в «холодной войне» наступило потепление и что в результате частичного снятия эмбарго, объявленного в июне 1954 года, из списка товаров, подлежащих эмбарго, были исключены наиболее несезонные пункты.

Попробуем странам, однако, остается положение с поставками судов. Советский Союз выражал готовность купить в Англии значительное количество судов, качество которых издавна славится во всем мире. Трудно сказать, насколько сами судостроители виновны в том, что суда для Советского Союза не были построены. Возможно, что помимо всего прочего, у адмиралтейства существует тайное эмбарго, основанное на каком-нибудь списке стратегически важных товаров, и адмиралтейство посылало на министерство торговли. Не далее как в июле Гарольд Вильсон обратился с настоятельным запросом к правительству по этому поводу.

Вспомогательное, что препятствия в постройке английских судов для Советского Союза не были устранены. Похоже, что мы сами себя оставили с носом, потому что корабли умеют строить и другие народы, наши же судостроители, чуть заходит речь об оплате рабочих, ссылаются на угрожающее им сокращение заказов.

И уверен, что с большинством этих запретов на вывоз стратегических товаров можно было бы справиться, если только мы не вступим на путь «холодной войны». В вопросе о Китае американцы до сих пор протестуют против всякого ослабления блокады, организованной во время корейской войны. И хотя война в Корею окончилась два года назад, Вашингтон заявляет, что пока не будет формального мира с Пекином и окончательного урегулирования в Корею, должно сохраняться полное эмбарго. С точки зрения англичан такое положение абсурдно. Англия признает китайское правительство в Пекине и почти все у нас смотрят на поддержку Чан Кай-ши и на возмущение им блокаду Южного Китая, как на преступную, несправедливую глупость, и протестуют против того, чтобы торговля между Англией и Китаем находилась в зависимости от бешеного агонизма Ли Сян Мана.

В отношениях с Советским Союзом перспективы значительно благоприятнее. После того, как представители британских деловых кругов посетили Москву в феврале 1954 года, и после призыва Черчилля к расширению торговли между Востоком и Западом даже в консервативных кругах раздаются утверждения о том, что торговля с Советским Союзом может в какой-то степени оказаться выходом из наших торговых затруднений. Торговля с «новой рубль» может привести к уменьшению нашего долларового дефицита.

Каких размеров может достигнуть эта торговля? Предугадать это невозможно, но перечень товаров, которыми мы могли бы снабжать друг друга, очень многообещающий. Советские представители заявляют, что если раньше нужды строительства и сельскохозяйственные проблемы лимитировали советский экспорт, то вскоре Советский Союз будет располагать большим запасами леса и зерна для вывоза. Вопрос о

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

Юнь Сянь-ли прервал на минуту рассказ, вышел по двор и принес из саманной амбарах образцы хлебных зерен, которые родила его земля. На столе он положил передо мной на клочках газеты горсточку светеложелтой чумизы, коричневую гаюлина и две горсти пшеницы. Стол сразу преобразился: засиял и, казалось даже, заулыбался.

«Моя семья изголодалась от голода. Но если говорить откровенно, живем мы еще не богато. И вот рассчитали, что только кооператив может дать зажиточную жизнь.»

«И даже в самые трудные времена», — говорил мне Инь Вэй-чэн, — «люди надеются на лучшее.»

В октябре 1949 года Мао Цзэ-дун сказал, что отныне китайцы воспрянули. Воспрянула и семья Инь Вэй-чэна. Она имела теперь 31,5 му земли.

В деревне Ашаньгоу после аграрной реформы каждая семья обладает 4 му земли на человека. Богатство, о котором

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

В настоящее время подъем движения за социальное преобразование — кооперирование в деревне — в некоторых районах страны уже наступил, скоро он охватит всю страну. Это — широкое социалистическое революционное движение более чем пятидесяти миллионов сельского населения, оно имеет огромное международное значение.

Стираются межги

Мы сидим в фанзе крестьянина Юнь Сянь-ли. Я и переводчик примостились на узенькой, грубо сколоченной скамейке. Остальные, поджав под себя ноги, — на широком кане, покрытом циновкой. Это хозяин фанзы, он же заместитель председателя производственного кооператива, его отец, семидесятилетний старик, середняк Дин Хун-вань, нашедший по случаю приезда гостей халат из синего шелка.

В китайской деревне

возник здесь сельскохозяйственный производственный кооператив. Хозяин фанзы Юнь Сянь-ли, спокойный, рассудительный крестьянин лет тридцати, руководил раньше бригадой трудящихся в кооперативе. Все ее члены вступили в кооператив, за исключением середняка Ли Фа-вана. Он только что купил телегу на железном ходу, и ему кажется, что, занимаясь извозом, можно будет обойтись без кооператива.

«Далеко ли он уедет на своей телеге! — иронически заметил Дин Хун-вань и напомнил собеседникам старинную басню о человеке, который ехал в княжество Чу.»

«Земляк», — окликнул его встречный, — ты неправильно едешь: княжество Чу на юге.»

«Неважно», — ответил путешественник, — у меня лошадь хорошая.»

«Но в этом направлении нет княжества Чу.»

«Неважно. У меня много денег на дороге.»

«Хотя у тебя много денег, но на севере нет княжества Чу.»

«Неважно. Мой конюх умеет хорошо управлять экипажем.»

И путешественник поехал на север. А земляк сказал ему вслед: «Чем лучше ты едешь, тем больше у тебя денег на дороге, чем искуснее конюх управляет экипажем, тем дальше ты очутишься от княжества Чу.»

Хотя эта басня давно всем известна, рассказывая историю, она вызвала всеобщий смех. Смеялся и семидесятилетний старик. За все время беседы он не проронил ни одного слова, но по его смеху над незадачливым путешественником я понял, что он твердо решил искать «княжество Чу» там, где оно находится.

Сразу же после создания кооператива его председатель, бывший солдат Народной-освободительной армии, с группой кооператоров ушел на охоту. Сегодня пришла весть, что они убили пять лисиц.

«Земляк», — окликнул его встречный, — ты неправильно едешь: княжество Чу на юге.»

«Неважно», — ответил путешественник, — у меня лошадь хорошая.»

«Но в этом направлении нет княжества Чу.»

«Неважно. У меня много денег на дороге.»

«Хотя у тебя много денег, но на севере нет княжества Чу.»

«Неважно. Мой конюх умеет хорошо управлять экипажем.»

И путешественник поехал на север. А земляк сказал ему вслед: «Чем лучше ты едешь, тем больше у тебя денег на дороге, чем искуснее конюх управляет экипажем, тем дальше ты очутишься от княжества Чу.»

Хотя эта басня давно всем известна, рассказывая историю, она вызвала всеобщий смех. Смеялся и семидесятилетний старик. За все время беседы он не проронил ни одного слова, но по его смеху над незадачливым путешественником я понял, что он твердо решил искать «княжество Чу» там, где оно находится.

«Земляк», — окликнул его встречный, — ты неправильно едешь: княжество Чу на юге.»

«Неважно», — ответил путешественник, — у меня лошадь хорошая.»

«Но в этом направлении нет княжества Чу.»

«Неважно. У меня много денег на дороге.»

«Хотя у тебя много денег, но на севере нет княжества Чу.»

«Неважно. Мой конюх умеет хорошо управлять экипажем.»

И путешественник поехал на север. А земляк сказал ему вслед: «Чем лучше ты едешь, тем больше у тебя денег на дороге, чем искуснее конюх управляет экипажем, тем дальше ты очутишься от княжества Чу.»

Хотя эта басня давно всем известна, рассказывая историю, она вызвала всеобщий смех. Смеялся и семидесятилетний старик. За все время беседы он не проронил ни одного слова, но по его смеху над незадачливым путешественником я понял, что он твердо решил искать «княжество Чу» там, где оно находится.

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и то получали мало, а при густом посеве, думал я, все погибнет. Районные работники этот метод настойчиво рекомендовали, и мы для опыта засеяли 5 му. Получился такой результат: с 5 му загрузочного посева получили вдвое больше, чем с обыкновенного.»

«Вот что значит иметь землю! Нет, дело не только в земле. Возьми меня. Помню, вышел я на полюс — рад-раденек: 20 му земли! А чем ее обрабатывать? Был у меня один ослик. Много ли на нем папашешь? Выход мы нашли в совместном труде. В 1953 году организовал я бригаду трудовой взаимопомощи. И посмотрите, что получилось. В первый же год мой земля уродила 100 пазней зерна с одного му. А когда я обрабатывал ее единолично, урожай был самое большее 50—60 пазней. В 1954 году я собрал уже 125 пазней, а единоличники — самое большее 87.»

«Почему такая разница?» — спросил я товарища Юна.

«Причина ясна», — отвечал Юнь Сянь-ли, — «современные вспахали землю, пропололи два-три раза, побольше внесли удобрений. Единоличнику все это не под силу. Да еще по опыту Советского Союза применили загрузочный сек. Сознаться, я сомневался: земля тощая, когда редко сеяли, и